

На правах рукописи

Хагожеева Лиана Славовна

**ПРАВСТВЕННО-ЭТИЧЕСКИЙ КОНТЕНТ
АДЫГСКОГО ФОЛЬКЛЮРА**

Специальность 10.01.09 – Фольклористика

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Нальчик – 2018

Работа выполнена в секторе адыгского фольклора Института гуманитарных исследований филиале ФГБНУ «Кабардино-Балкарский научный центр РАН»

Научный

руководитель: **Кудаева Зинаида Жантемировна,**
доктор филологических наук, доцент

**Официальные
оппоненты:**

Алиева Алла Ивановна,
доктор филологических наук, главный научный сотрудник отдела фольклора ФГБУН «Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН»

Хакунова Эльза Хамедовна,
кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Центра адыгведения Научно-исследовательского института комплексных проблем Адыгейского государственного университета

Ведущая

организация: ФГБОУ ВО «Чеченский государственный педагогический университет»

Защита состоится «11» октября 2018 года в 10.00 на заседании диссертационного совета Д 212.001.10 по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата филологических наук в ФГБОУ ВО «Адыгейский государственный университет» по адресу: 385000, Республика Адыгея, г. Майкоп, ул. Первомайская, 208, конференц-зал.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке им. Д.А. Ашхамафа ФГБОУ ВО «Адыгейский государственный университет» по адресу: 385000, Республика Адыгея, г. Майкоп, ул. Пионерская, 260, с диссертацией и авторефератом – на официальном сайте университета: [http:// www.adygnet.ru](http://www.adygnet.ru) и на сайте ВАК: <http:// vak.ed.gov.ru>

Автореферат разослан «__» _____ 2018 года.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
кандидат филологических наук

Г. В. Соколова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Фольклор включает в сферу своего художественного восприятия и обобщения все формы жизнедеятельности, облекает в словесную форму мировоззренческие принципы, нравственно-этические установки, художественные и эстетические каноны. Это богатейший, отложившийся в устных поэтических произведениях опыт многих поколений, который позволяет глубже понять общую направленность и структуру традиционной культуры, выявить ее нравственные и эстетические ориентиры. Он составляет органическую часть духовной и социальной жизни этноса, оказывает воздействие на все её сферы, связан со всеми социальными слоями общества. Фольклор выступает в когнитивной и социорегулятивной функциях, способствуя стабилизации и трансформации накопленных знаний, мировоззренческих установок и норм, оставаясь при этом явлением самостоятельным, обладающим собственными способами и формами организации, неисчерпаемостью сюжетного, мотивного фонда, поэтического языка и структурной организации.

Исследование связи фольклора с внешними системами и явлениями традиционной этнической культуры - одна из **актуальных** проблем современной фольклористики. **Актуальность** исследования обусловлена также недостаточной разработанностью в адыгской фольклористике способов и форм воплощения нравственных, этических принципов, лежащих в основе адыгской традиционной культуры. Изучение фольклора в аспекте реализации в нем основных нравственно-этических установок и принципов позволит глубже понять специфику традиционной системы мировоззрения, особенности национального характера и образа жизни адыгского этноса, способствовать решению задач в области культурного взаимодействия и взаимопонимания в многонациональном обществе.

Основная **цель** работы состоит в осуществлении комплексного исследования произведений, принадлежащих к различным жанрам адыгского фольклора, и выявлении реализующейся в этих произведениях системы нравственно-этических установок и норм, составляющих мировоззренческую основу традиционной духовной культуры. Исследование адыгского фольклора осуществляется также с целью выявления специфики объективации различными жанрами мировоззренческой информации, способов и форм отражения в них нравственно-этических канонов, свойственных традиционной этнической культуре. Анализ различного по своей жанровой природе фольклорного материала позволяет выявить основные нравственно-этические, мировоззренческие принципы и установки, стандарты коммуникативного поведения, процесс бытования и функционирования различных институтов, существовавших в адыгском традиционном обществе, формы их деятельности,

выявить социальную функцию произведений различных жанров, специфику воплощения в них общезначимых для данной культуры идей, события и формы их реализации в мотивах, сюжетах и образах фольклора.

В ходе исследования решались следующие **задачи**:

- выявить на основе системного анализа пословиц и поговорок нравственно-этические принципы и нормы, этикетные правила, характерные как в целом для адыгского общества, так и для военно-феодальной знати;
- определить на основе анализа пословиц и поговорок социальные аспекты принципов реализации этических норм и формы их реализации;
- провести анализ проблематики, мотивов, сюжетов и образов адыгских волшебных сказок с целью выявления этических норм и этикетных правил, этнокультурных стереотипов поведения, функционировавших в традиционном обществе;
- исследовать процесс социальных изменений в структуре адыгского общества, нашедших отображение в сказке;
- определить на материале изучения устной несказочной прозы ценностные ориентиры, правила межличностного поведения и особенности функционирования неформальных социальных институтов;
- выявить на основе анализа историко-героических, плачевых песен и сопровождающих их преданий нравственные принципы и нормы воинской этики, характерные для адыгской этнической культуры;
- исследовать адыгские историко-героические песни и плачи с целью определения роли и функции женщины в утверждении и репрезентации основных принципов адыгского нравственно-этического кодекса.

Объект исследования – произведения адыгского фольклора: пословицы и поговорки, сказки, предания, историко-героические песни и плачи, в которых нашли воплощение нравственно-этические установки и нормы, свойственные адыгской традиционной духовной культуре.

Предметом исследования является система мировоззренческих, нравственно-этических установок, правил этикета, функционировавших в традиционном адыгском обществе и определивших характер неформальных социальных институтов.

Теоретической основой исследования является положение об исторической обусловленности мировоззренческих, нравственно-этических категорий и принципов, определяющих этническую специфику традиционной культуры. Исходным представляется то, что традиционные нравственно-этические принципы и нормы, общепринятые стереотипы

поведения, нашедшие отражение в фольклоре, являются основными маркерами, позволяющими составить представление о специфике образа жизни адыгского традиционного общества и, вместе с тем, устойчивыми характеристиками этнической идентичности.

Исследование характера функционирования в фольклоре системы мировоззренческих, нравственно-этических норм, определявших специфику образа жизни адыгского общества, опирается на основополагающие труды отечественных ученых-фольклористов, рассматривавших проблемы соотношения фольклора и исторической действительности, фольклористики и этнографии: А.Н. Веселовского [42-43], В.Я. Проппа [151-153], М.М. Бахтина [22], Е.М. Мелетинского [128; 286], М.К. Азадовского [5; 6], П.Г. Богатырева [36; 37], Б.М. Соколова [168] и Ю.М. Соколова [167], Д.К. Зеленина [68-73], В.Е. Гусева [53], В.И. Чичерова [213], К.В. Чистова [210-212; 327-330], Б.Н. Путилова [154-159; 307-309], О.М. Фрейденберг [201], Н.И. Кравцова [95], В.П. Аникина [9; 10], А.М. Астаховой [15], В.К. Соколовой [169; 314], Б.А. Рыбакова [164], С.Н. Азбелева [7; 228; 229], Н.И. Толстого [176], этнографов – М.О. Косвена [93; 94], Ю.В. Бромляя [38], В.К. Гарданова [49], Б.Х. Бгажнокова [23-29], С.Х. Мафедзева [125-126], Ю.Д. Анчабадзе [12]; работы фольклористов, посвященные всестороннему исследованию жанровой специфики адыгского фольклора - А.И. Алиевой [8; 231-234], С.Ш. Ауглевой [17], А.Т. Шортанова [430], Р.Б. Унароковой [180,181], А.М. Гадагатля [47], З.М. Налоева [136-138; 290-294], А.М. Гутова [54; 55; 56], Ш.Х. Хута [207], З.Ж. Кудаевой [100; 102; 276; 277; 278], А.А. Ципинова [208; 209] и др.

Методологической основой работы являются теоретико-методологические принципы, нашедшие отражение в сравнительно-историческом, историко-культурном (А.Н. Веселовский) направлении изучения фольклора. В работе используется системный (комплексный) метод, предполагающий всестороннее изучение фольклора в соотношении с определенными бытовыми, этнографическими реалиями и историко-типологический метод, предполагающий изучение фольклорных произведений в историческом и этнографическом контексте.

Научная значимость и новизна исследования состоит в том, что на основе системного анализа произведений различных жанров фольклора воссоздаются способы и формы объективации в нем одного из важнейших компонентов духовной культуры – системы нравственно-этических принципов и норм, функционировавших в адыгском традиционном обществе.

Исследование адыгского фольклора с точки зрения воплощения в нем мировоззренческих, нравственно-этических установок и принципов во взаимосвязи и взаимообусловленности с образом жизни народа, специфическими институтами, существовавшими в адыгском традици-

онном обществе в определенный исторический период его развития, изучение специфики преломления действительности, особенностей воплощения информации в различных жанрах фольклора, исследование основных функций фольклора, его роли в репрезентации и трансформации основных нравственных, этикетных норм до настоящего времени не являлось в адыгской фольклористике предметом специального изучения.

В фольклоре выявляются мировоззренческие и нравственно-этические нормы, нашедшие воплощение в правилах и установках адыгского этикета - *адыгэ хабзэ* и дворянского этикета - *узркъ хабзэ*, служивших стержневым, организующим элементом духовной культуры адыгского традиционного общества. Комплексному, системному исследованию в работе подвергается значительный фольклорный материал, принадлежащий к различным жанрам адыгского фольклора: пословичный фонд, сказки, предания, историко-героические песни и плачи. Впервые вводятся в научный оборот неопубликованные ранее архивные и полевые материалы.

Степень изученности проблемы. Фольклор как исторический источник, как материал, позволяющий воссоздавать те или иные элементы традиционной культуры - мифопоэтические воззрения, исторические факты, мировоззренческие, этические нормы, различные институты, существовавшие в обществе, – не раз привлекался для исследования отечественными учеными. Вместе с тем, в адыгской фольклористике практически отсутствуют исследования, которые могли бы быть продуктивными источниками информации об этнической, социально-политической и культурной истории адыгов. На недостаточность исследований подобного рода указывали в своих работах М.А. Кумахов и З.Ю. Кумахова [105], Б.Х. Бгажноков [23-29], Р.Б. Унарокова [180,181].

Одним из первых исследователей, обративших внимание на адыгские песни и сопровождающие их предания как на источник исторической информации, был С. Хан-Гирей [204]. Первым исследователем, который привлек предания, песни, пословицы, историко-героический эпос для реконструкции исторических событий, был Ш.Б. Ногмов в своей работе «История адыгейского народа, составленная по преданиям кабардинцев» [141]. Опираясь на собственные записи фольклорных текстов, Ш.Б. Ногмов соотносит их с имеющимися в его распоряжении историческими источниками, располагает их в хронологическом порядке и создает первый в адыгской историографии труд, освещающий историю народа. Исследования в области реконструкции исторических событий, обращенные к отдельным адыгским историко-героическим песням и преданиям, были предприняты в статьях З.М. Налоева [290], З.П. Кардангушева [423], В.Н. Сокурова [315, 316, 317].

Одними из наиболее значимых исследований, в которых адыгский фольклор используется в качестве материала для выявления этических основ этнической традиции, принципов и норм адыгского этического кодекса *адыгэ хабзэ* являются труды Б.Х. Бгажнокова [23-29]. В его работах исследуется традиционная национально-культурная специфика общения, изложены основные конструктивные принципы адыгской этики, этикета. Адыгская этика – *адыгагъэ* – в единстве с адыгским этикетом – *адыгэ хабзэ*, согласно исследованиям Б.Х. Бгажнокова, предстает в качестве нравственно-этического, социального, идеологического стержня традиционного адыгского общества. Также впервые в его трудах предпринято исследование традиционного образа жизни адыгских аристократических сословий [23-29]. Для понимания этических установок и принципов, лежащих в основе адыгской духовной культуры и, в частности, устного народного творчества, важны также теоретические исследования Р.А. Ханаху [203], Р.А. Ханаху и О.М. Цветкова [202], С.А. Ляушевой [117], в которых анализируется природа «адыгства» с философских, общесоциологических, общекультурологических позиций. В трудах И.А. Шорова адыгская этика, нормы нравственности и морали рассматриваются в аспекте народной педагогики. Изучению адыгского этикета посвящены также работы С.М. Мафедзева [425], А.М. Гутова [56], М.И. Мижаева [426], Х. Шогенова и З.П. Кардангушева [430], Р.А. Мамхеговой [121]. Исследованием, способствовавшим дальнейшему углублению представлений об особенностях образа жизни адыгских военно-феодальных сословий, является работа А.С. Мирзоева (Марзей) «Черкесское наездничество-«зеклуэ». Из истории военного быта черкесов в XVII – первой половине XIX века» [122]. Опираясь на обширный круг исторических, этнографических и фольклорных источников, автор представляет один из важнейших институтов традиционного адыгского общества – наездничество-*зеклуэ*, его место и роль в традиционном адыгском обществе, воинскую организацию наездников, правила, стратегию и тактику ведения войны («культуру войны»).

Весьма важными для понимания жанровых особенностей и специфики воспроизведения и отображения различными жанрами фольклора реальной действительности являются работы адыгских фольклористов З.М. Налоева [136-138, 290-294], С.Ш. Аутовой [17], Р.Б. Унарокой [181], посвященные историко-героическим песням; исследования сказок, предпринятые А.И. Алиевой [8], М.Ф. Бухуровым [40]; изучение и классификация жанров народной прозы в работах Ш.Х. Хута [207], А.А. Ципинова [208], исследование адыгских пословиц и поговорок в трудах А.Т. Шортанова [430], З.Ж. Кудавой [101, 338], Л.М. Гутовой [57, 58].

В работе Р.Б. Унароковой «Формы общения адыгов (опосредованные формы общения в традиционной культуре адыгов на материале фольклорных текстов)» [180] тексты устных посланий (*опцын*) и

поэтических прений (*зэфзусэ*) рассматриваются как часть этнической культуры общения, как художественный элемент существовавшей традиционной коммуникативной системы. В рамках исследовательского направления, изучающего фольклор как отражение важнейших компонентов культурной традиции, как источник разноплановой информации об этносе, как особый способ осмысления мира и одновременно как искусство, выполнена монография Р.Б. Унароковой «Песенная культура адыгов (эстетико-информационный аспект)» [181]. Р.Б. Унарокова анализирует специфику отражения политической истории в песнях, формы и способы объективации исторической информации, характер реконструкции социально-политических институтов, отражение в песнях нравственно-этических идеалов, выявляет функции некоторых жанровых разновидностей песен в коммуникативном аспекте.

Исследованию системы жанров адыгских паремий, в том числе пословиц и поговорок, их поэтики, отображению в них явлений традиционной этнической культуры посвящены работы З.Ж. Кудоевой [101, 338, 276]. К изучению пословиц и поговорок в ситуативном контексте, специфике их бытования обращены труды Л.А. Гутовой [57, 58]. Лингвокультурологический анализ моральных принципов и установок на материале пословиц и поговорок лежит в основе диссертационного исследования М.Ч. Кунашевой [339], а также совместного исследования И.М. Баловой и М.Ч. Кремшокаловой (М.Ч. Кунашевой) [21]. Языковая картина мира на основе в том числе материала пословиц воссоздается в работе З.Х. Бижевой [32].

Материалы и источники исследования. Исходным материалом и источником для реконструкции основных установок и норм, которыми руководствовалось адыгское общество, в том числе его военно-феодалные сословия, послужили произведения фольклора, принадлежащие к различным жанрам. Пословицы и поговорки, сказки и предания, историко-героические песни и плачи представляют собой уникальный источник для воссоздания системы взглядов, мировоззренческих, нравственно-этических и этикетных установок и правил, формирующих идеальные формы поведения и стандарты межличностного общения в адыгском обществе. В работе используются фольклорные материалы, содержащиеся в публикациях дореволюционных и современных фольклористов, полевые материалы, извлеченные из архивного фонда Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований, этнографические труды.

Основные результаты, полученные в процессе исследования и выносимые на защиту.

1. В пословицах и поговорках находят воплощение основные нравственно-этические принципы и нормы, правила этического кодекса (*адыгэ хабзэ* – адыгский этикет), функционировавшего в адыгском

традиционном обществе. Объективируя систему нравственно-этических принципов и норм, поговорки и пословицы способствовали выработке стереотипов «правильного» поведения, формированию его социально одобряемых форм и выполняли в связи с этим институциональную функцию, а также функцию социального контроля. В них также объективируется существование символической шкалы общекультурных нравственно-этических ценностей (*уэркъ хабзэ* – дворянский этикет), существовавшей в среде адыгской военно-феодалной знати; отображается процесс трансформации социальных отношений и возникновения социально-классовых противоречий в традиционном адыгском обществе.

2. В адыгских сказках находят воплощение нравственные и этические нормы, регулирующие поведение в самых различных ситуациях – сражения, поединки и т.д., отображаются архаические формы организации общества, в частности процесс возникновения княжеской власти, тесно связанный с предшествующими родоплеменными институтами. Сюжеты, мотивы и образы адыгских сказок, действия и поступки их героев отражают особенности общественного сознания и поведения, специфику образа жизни феодальных и демократических слоев общества.

3. В преданиях и сказках объективируются важнейшие элементы и принципы нравственно-этического кодекса дворянского этикета *уэркъ хабзэ*: правила «благородной дворянской вражды», нормы гостеприимства, принцип нерушимости мужской дружбы; выявляются способы и формы существования традиционных институтов (наездничества-*зеклуэ*, гостеприимства, аталычества).

4. В образах героев адыгских историко-героических песен отражается специфика нравственного понимания мужества, объективируются воинские нравственно-этические правила и нормы. Внешние характеристики образов героев песен, описание их подвигов, воинского снаряжения, коня представляют собой способ и форму реализации и утверждения системы нравственных ценностей, свойственных адыгскому традиционному обществу.

5. Создавая и величая в песнях и плачах образ героя, исполнительницы адыгских героических песен-плачей репрезентировали и утверждали основные установки и принципы адыгского нравственно-этического, воинского кодекса чести.

Достоверность исследования подтверждается совокупностью многочисленных источников, на основе анализа которых базируются выводы.

Теоретическая значимость работы состоит в развитии и реализации теоретических положений, связанных с проблемой соотношения фольклора и действительности, выявлении механизма объективации в фольклоре мировоззренческих принципов, системы нравственно-этических ценностей, социального и бытового уклада, традиционных институтов; в рассмотрении фольклора как системообразующего культурного фактора, обладающего коммуникативной, познавательной, социорегулятивной

функциями, формирующего и транслирующего традиционную систему духовных ценностей этноса. Научное осмысление закономерностей отображения нравственно-этических установок, моральных норм и правил адыгского этикета – *адыгэ хабзэ* в фольклоре может иметь значение в разработке общей теории фольклора.

Практическая значимость полученных результатов состоит в возможности их использования для дальнейшего развития и углубления исследований, связанных с изучением адыгской традиционной культуры. Результаты исследования также могут быть использованы для разработки специальных учебных курсов по изучению фольклора и этнографии адыгов, нравственному и патриотическому воспитанию подрастающего поколения. Практическая значимость диссертационной работы состоит еще и в том, что в ней собран и представлен нравственный, моральный опыт народа в характерной для фольклора доступной и одновременно яркой, выразительной художественной словесной форме. Материалы и выводы работы могут быть использованы в практике воспитания и самовоспитания, в решении сложных задач культурного взаимодействия, которые встают перед личностью и обществом в XXI веке.

Апробация результатов исследования. Основные положения и научные результаты исследования обсуждены на заседаниях сектора адыгского фольклора Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований (ИГИ КБНЦ РАН), апробированы в статьях по теме диссертационного исследования и докладах на международных и региональных конференциях: V Международная научно-практическая конференция «Фундаментальные научные исследования: теоретические и практические аспекты» – Кемерово, 2017. Международная научная конференция «Становление и развитие младописьменных языков», посвященная 120-летию со дня рождения Д.А. Ашхамафа, выдающегося лингвиста, основоположника адыгейского языкознания – Майкоп, 2017. 2016. IEE Conference on Quality Management, Transport and Information Security, Information Technologies. Proceedings, 2016. Международная научно-практическая конференция «Научно-технический прогресс как фактор развития современной цивилизации» - Стерлитамак, 2017. Международная научно-практическая конференция - Стерлитамак, 2017. Всероссийская научная конференция «Формирование российского многонационального государства через взаимодействие народов» – Нальчик, 2017. Международная научно-практическая конференция «Перспективы развития российской науки» - Самара, 2017.

По теме диссертации опубликовано 19 научных статей, в том числе 6 статей в научных журналах, включенных в Перечень ВАК.

Структура работы определяется комплексом поставленных задач и отображает проблематику исследования. Диссертация состоит из введения, основного корпуса, включающего четыре главы, заключения и библиографии.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается актуальность темы, формулируются цели и задачи исследования, определяются предмет и объект исследования, характеризуются теоретические и методологические основы исследования, отмечается степень научной новизны, излагаются основные положения, выносимые на защиту, подводятся теоретические и практические результаты работы.

В первой главе **«Проблема отношения фольклора к действительности»** анализируются положения, изложенные в работах отечественных исследователей, формулируются основные теоретико-методологические принципы исследования, излагаются история и современное состояние данной проблемы в адыгской фольклористике, анализируются работы, которые так или иначе связаны с основной проблематикой данной работы.

Во второй главе **«Нравственно-этические и этикетные нормы в пословицах и поговорках»** выявляются основные правила, нашедшие воплощение в пословицах и поговорках.

В исследовании учитываются жанровые свойства пословицы: многозначность, зависимость от ситуативного контекста употребления, а также способы и формы воплощения в них мировоззренческой информации. Пословицы и поговорки явились ценным источником, в них, как и в других произведениях фольклора, нашел отражение сложный комплекс явлений традиционной культуры, истории народа, элементы архаических представлений, социальных, нравственно-этических норм, традиционных институтов. В пословицах и поговорках, определенный пласт которых представлял собой этические и этикетные «правила», в наиболее концентрированной и выразительной форме нашли отражение нравственно-этические нормы и правила взаимного обхождения, принятые в адыгском обществе.

Объективировав эту систему норм, репрезентируя нравственно-этические принципы и правила, пословицы способствовали выработке стереотипов «правильного» поведения, формированию его социально одобряемых форм и выполняли, таким образом, институциональную функцию, а также функцию социального контроля. В континууме адыгских пословиц и поговорок выделены следующие семантико-тематические группы пословиц, отображающие: а/ принципы адыгской этики, моральные, нравственные установки и нормы; б/ основные нормы адыгского этикета, регламентирующие принципы и правила взаимного обхождения; в/ сословную градацию в реализации нравственно-этических принципов и норм (*адыгъ хабыз* – адыгский этикет, *узркъ хабыз* – дворянский этикет).

В параграфе **«Нравственно-этические нормы в пословицах и поговорках»** выявляются главные моральные установки и принципы, нашедшие воплощение в пословицах.

Фундаментальные принципы народной этики нашли воплощение в пословице: *Адыгагъэр нэмысц, цыхухгъэц, лыгъэц, гуцлэгъуц* – «Адыгство – это почитательность, человечность, мужество, сострадание к ближнему».

Нэмыс – почтительность, вежливость, хорошие манеры (*хьэл-цэн*) - один из главных приоритетов в этической системе адыгского традиционного общества: *Нэмысыр лъэлукIэ кьахьыркъым* – «Почет, уважение просьбами не достигают». Вежливость, почтительное, уважительное отношение друг к другу (*нэмыс*) в адыгской этнокультурной традиции непосредственно связано также с понятием *хьэл-цэн* – «воспитанность». Обладание этими качествами считалось в адыгской традиционной культуре одним из важнейших составляющих элементов личности: *Хьэлым я нэхь дахэр нэмысцIэкъуц* – «Самое красивое в характере – воспитанность, благопристойность».

Понятия почтительности, благовоспитанности и вежливости подразумевали присутствие в человеке такого нравственного критерия личности, как скромность и терпимость по отношению к окружающим. В системе адыгской этики и нравственности эти качества представляли собой одно из приоритетных нравственных ее составляющих. Недопустимым считалось восхваление собственных достоинств, а также достоинств членов семьи. Хвастающегося человека считают глупцом и лжецом: *Щхьэщытхьурэ кьэ-рабгьэрэ зэблагьэц* – «Хвастливый и трусливый – родственники». Значимым элементом системы нравственных норм являлся принцип честности, верности данному слову, ответственности за свои слова и поступки: *Лы и псалгэ епцIыжыркъым* – «[Настоящий] мужчина верен своему слову». Вариант: *Уэркэ и псалгэ епцIыжыркъым*.

Выдержка, сдержанность в проявлении чувств, эмоций, верность слову, отрицание злословия служили своего рода регулирующим принципом, обеспечивающим эмоциональное и социально-психологическое равновесие в обществе: *Щэным я нэхь IэфIыр тэмакьIыхьыц* – «В характере самое лучшее (букв.: ‘сладкое’) – выдержанность».

Важнейшим нравственным принципом в системе этических установок и норм и одной из наиболее значимых характеристик личности было понятие совести – *напэ*: *Напэниэ нэхьрэ нэкъэпакъэ* – «Чем не иметь совести (букв.: ‘не иметь лица’) – [лучше быть] безобразным». *Псэр цэи, напэр кьэццэху* – «Продай сердце и купи честь» (букв.: ‘лицо’).

Фундаментальным принципом адыгской нравственно-этической системы, нашедшим объективацию в пословицах, были мужество, смелость, особое, философское отношение к смерти как к итогу жизни воина: *Лыыр Лыуэ мэлIэж* – «Мужчина умирает как мужчина»; *АжалитI цыщымыI-экIэ, а зы лIэгъуэм лыгъэ хэлъхэ* – «Раз не бывает двух смертей, в единственную смерть вложи мужество» [т.е. будь мужествен перед лицом смерти]; *Лэным лыгъэ хэлъц* – «В смерти есть мужество».

В пословицах также выявляется представление о мудрости, уме, хитрости, как о качествах не менее значимых, чем мужество и храбрость, например: *Лыгъэм ипэ - акъыл* – «Впереди мужества – ум».

Основополагающими нормами адыгской этики являлись понятия *цIы-хугъэ* – «человечность» и *гуцIэгъу* – «сострадание». Человечность, уваже-

ние, сострадание ближнему – взаимосвязанные морально-этические нормы, реализующиеся во всех сферах адыгской духовной культуры, общественной жизни: *Цыху нэхъ лъанIэ цыIэкъым* – «Ценнее человека ничего нет». Недопустимость высокомерия, чрезмерной гордости, унижающей достоинство другого человека, были принципом, общим для всех социальных сословий адыгского общества: *Пагэм и блыпкь-блащхэ кьутэгъуа-фIэщ* – «У высокомерного легко ломаются кости».

Один из высших нравственных императивов в системе нравственных ценностей адыгов, составляющий понятие «нэмыс» и тесно связанный с понятием «человечность» - это уважение к старшим и младшим по возрасту, родителям, женщине. Уважительное отношение распространялось на все сферы общественных взаимоотношений, в том числе и в на внутрисемейную: *Нэхъыжьыр гъэланIи, уи цхьэр лъанIэ хъуниц* – «Старших почитай – и сам станешь почитаем». *Жьым еубзи, цIэр гъэгъуихуэ* – «Старших облакшивай, младших воодушевляй».

Понятие «человечность» - *цыху гъэ* репрезентируется и в пословицах, выражающих понимание ценности человеческой жизни, уважения к личности. Наиболее выразительно эти понятия воплощены в пословицах, определяющих отношение к пленному противнику, к женщине и выражающих неприемлемость проявлений жестокости, убийства пленных, нанесение увечий, насилия над женщинами: *Лы пхам лы еуэркъым* – «Связанного мужа [настоящий] мужчина не бьет». *Лы Iэцэниэ еуэркъым* – «Безоружного [настоящий] мужчина не бьет». *ЛыкIуэ яукIыркъым* – «Посланника не убивают».

Установка на уважение личного достоинства человека обусловила отсутствие в адыгском обществе социального сервиллизма и получила реализацию в пословицах, например: *«Хъанхэ яцыщцэ, жыпIэу хуэмыфащэ пцIэ хуумыщI* – «Он из ханов», говоря, не причитающихся ему почестей не оказывай».

Гуманистические по своей сути установки и принципы адыгской нравственно-этической системы, нашедшие воплощение в пословицах и поговорках, способствовали формированию специфической культуры межличностного общения, образа жизни, направленного на создание благожелательных, толерантных взаимоотношений в обществе.

В параграфе **«Уэркъ хабзэ – дворянский нравственно-этический кодекс в пословицах и поговорках»** исследуется воплощение в пословицах и поговорках символической «параллельной» системы моральных норм - кодекса *уэркъ хабзэ*.

Кодекс *уэркъ хабзэ* - дворянский этикет представлял собой специфическую, социально и функционально обусловленную, усложненную версию реализации системы нравственно-этических принципов и установок. Знаковым обозначением принадлежности к более высокому качественному уровню в следовании нравственно-этическим нормам *уэркъ хабзэ* служил

эпитет *уэркъ* – «дворянский»: *уэркъ къафэ* – «уоркский танец»; *уэркъ шы тесыкIэ* – «уоркский способ держаться в седле» и т.п.

Детальное знание этикета, сложность его правил, строгость в исполнении норм в среде военной аристократии требовали значительных усилий, а подчас и полного самоотречения, что объективировалось в пословице: *Уэркъ хабзэр дэгъэзеигъуэ кIыхъц* – «Уоркский (дворянский) этикет – длинный [крутой] подъем [в гору]». Примером реализации «параллельной» системы нравственных ценностей, присутствующих в адыгской традиционной культуре, выступает ряд пословиц, функционировавших в двух вариантах. Например: *Уэркъ хаиэркъым* – «Уорк тайны не разглашает». *АдыгэлI хаиэркъым* – «Адыгский мужчина тайны не разглашает». *Уэркъ здашэ цIэуицIэркъым* – «Дворянин не спрашивает, куда его ведут». *Лы (адыгэлI) здашэ цIэуицIэркъым* – «Мужчина (адыгский мужчина) не спрашивает, куда его ведут». Подобные «параллельные» варианты пословиц были призваны подчеркнуть высокую степень требовательности в исполнении норм адыгского нравственно-этического кодекса.

Вежливость, хорошие манеры (*хьэл-цэн*), умение вести себя в обществе признавалось эталонным качеством, присущим представителям знатных сословий: *Уорка – [хоть] в навоз посади, [все равно] узнаешь*. В образной системе языка сохранились эпитеты и сравнения, соотносящие высшую степень проявления понятий *хьэлыфIэ* – «хороший характер, манеры», *хьэл дахэ* – «красивые манеры», *цIыкIафIэ*, *Iэсэ* – «воспитанный», «вежливый» «уравновешенный», «кроткий» с принадлежностью их обладателей к аристократическим сословиям: *ЩыкIафIэ – гуацэм еицхуэ* – «Красивые манеры, как у княгини». *Хьэл дахэ, хьэлыфIэ гуацэм хуэдэу* – «Характер, поведение красивые, как у княгини». *Iэсэ, гуацэм хэдэу* – «Воспитанная, как княгиня».

Благовоспитанность в системе адыгского мировоззрения включала в себя понятие *зэлIээрът*, обладавшее значениями «сдержанность», «уравновешенность», «последовательность», «достоинство» и соотносилась также с принадлежностью к аристократическим сословиям: *Гуацэм хуэдэу зэлIээрът* – «Уравновешена, как княгиня».

Мужество, смелость, презрение к смерти репрезентировались в пословицах как важнейшие элементы системы нравственно-этических ценностей, эталонные характеристики адыгского князя: *Пыцгъэ къэзыхьыр джатэц* – «Звание князя приносит меч». *Зи фыз зыцIыгъуэ зшыркъым, зипц и гъусэ шынэркъым* – «Тот, у кого в спутниках жена – не скупает, а тот, у кого в спутниках князь – не боится».

Общепризнанной нормой поведения в адыгской аристократической среде был запрет на употребление непристойных, грубых выражений, что нашло объективацию в пословице: *Хьэ джафэ банэркъым, уэркъ хьуанэркъым* – «Гончая не лает, дворянин (уорк) не бранится». В случае его нарушения, по свидетельству С. Броневского (1823), князя и дворяне-уорки

равных себе вызывали на поединок, а незнатного или «простолюдина» убивали на месте.

В соответствии с нормами «дворянского этикета», нашедшими воплощение в пословицах, важнейшими качествами, которыми должен был обладать князь и уорк, были щедрость и благородство: *Хьэлэли, пицы махуэм хуэдэу* – «Щедрый, добрый, великодушный как князь» [букв.: 'солнце-князь'].

Красноречие, умение убедительно, аргументированно выразить свою точку зрения были обязательными для представителей аристократических сословий. Способность изящно, точно и убедительно выражать свои мысли в дворянской среде приравнивается к умению владеть оружием, например: *Уэркъым и жьэ и джатэц* – «Рот уорка – его меч».

Строгим правилом, которому неукоснительно следовали адыгские воины-уорки, было неразглашение чужой тайны: *Уэркъ хаиэркъым* – «Уорк тайны не разглашает (не доносителствует)».

Значительный пласт адыгских пословиц объективирует нравственные нормы и правила гостевого этикета, связанные с институтом гостеприимства. Гостеприимство – одна из характерных черт всего адыгского общества – для адыгской аристократической прослойки обладало статусом неукоснительной нормы: *«У кого нет кунацкой, тот не уорк»*.

Благородные рыцарские установки, стремление приобрести славу доблестного мужа порождали порой тщеславное желание славы ради славы, а формальная репрезентация этических и этикетных норм не отображала самого духа рыцарского кодекса *адыгэ (уэркъ) хабзэ*. Это порождало социальные противоречия и конфликты, нашедшие воплощение в пословицах и поговорках. Отражением двойственной нравственной природы образа жизни аристократических слоев адыгского общества, а также порожденное этой двойственностью их осуждение в демократической среде, возникновение социально-классовых противоречий, явились пословицы: *Уделэмэ, пицы унэ клуанлэ щлы* – «Если ты глупец, часто посещай дом князя». *Уэркъыжьэрэ дыгъужьэрэ* – «Что уорк, что волк».

В третьей главе «**Адыгский нравственно-этический кодекс в сказках**» исследуется воплощение в сказках моральных норм, правил ведения поединка, а также процесс возникновения княжеской власти.

В параграфе «**Нравственно-этические и этикетные нормы в сказках**» выявляются основные принципы, нашедшие воплощение в адыгских волшебных сказках.

В сказочной прозе свод нравственно-этических установок и норм служит сюжетобразующей основой, что находит отражение в мотивах, образах и действиях ее персонажей.

Анализ, своего рода «расшифровка» семиотики поведения персонажей адыгской сказки, мотивов их действий и поступков позволил выявить ряд стереотипов поведения, реализующих нравственно-этические принципы и установки, существовавшие в адыгской этнокультурной традиции.

В наиболее концентрированной и выразительной форме нравственные принципы, этикетные нормы дворянского этикета - *уэркъ хабзэ*, как свидетельствуют также и сказки, осуществлялись в среде адыгской феодальной знати. Сказка по своей жанровой природе создает идеальные образы героев, вкладывая в них черты, которые суммируют и отражают шкалу общепринятых ценностей, существующих в этнокультурной традиции. Герои сказок, как правило, - это молодые князья, сыновья ханов и прославленных уорков-дворян, действия и поступки которых в силу своего происхождения должны соответствовать нормам дворянского этикета – *уэркъ хабзэ*.

Гуманистическая направленность нравственно-этических норм адыгского рыцарства (*уэркъыгъэ*) определяет ряд ценностных ориентиров, являющихся неотъемлемыми качествами адыгского воина-наездника и, соответственно, идеального героя сказки, - это воинская доблесть, мужество, отвага, человечность и сострадательность, бескорыстие, щедрость и гостеприимство. В соответствии с этими принципами, восстановление справедливости и наказание злодеев, поддержание порядка и равновесия в обществе, соблюдение установок и правил адыгского этикета, сдержанность и гуманность в отношениях с людьми – основная мотивация действий героев адыгских сказок («Магомед, сын Болотоко» и др.). Герои адыгских сказок отважны, бескорыстны и щедры, творят добро, защищая жизнь, свободу, честь, достоинство не ради собственного обогащения, а во имя справедливости («Курджимуко Лаурсен», «Приключения юноши», «Озермес», «Ханская дочь», «Едидж»).

Кодекс *уэркъ хабзэ* предполагал ведение образа жизни, целью которого не могли быть стремление к роскоши, утехам, праздному времяпрепровождению, личному обогащению. Герой адыгской сказки, как правило, выезжает в путь, в наезд-*зеклуэ* не в поисках богатства, а для того, чтобы совершить подвиги, добыть невесту, расширить свои познания о мире, выдержать испытания и тем самым занять достойное положение в обществе («Долетмиз», «Бичэ», «Лыхъуцэжъ и къуэ Цауэрэ Къанжэ и къуэ Цауейрэ»). Стоицизм, терпение и выносливость были неотъемлемой нормой для адыгского воина-наездника, проводившего всю жизнь в походах и войнах. В соответствии с этим идеальный герой сказки должен был уметь преодолевать большие расстояния и трудности, не проявляя признаков слабости. Типичен для адыгской волшебной сказки образ путешествующего всадника, седло которого врастает в спину его коня, что служило символом выносливости воина, выдержки и умения переносить невзгоды («Приключения молодого пши», «Лыхъуцэжъ и къуэ Цауэрэ Къанжэ и къуэ Цауейрэ», и др.).

Принятые в общественном сознании параметры идеального образа адыгского воина-наездника находят отражение в системе ценностных ориентиров адыгской сказки. Герой адыгской сказки мужественен, храбр, он искусный наездник и воин. Один из стандартных мотивов в сказке, призванный подчеркнуть мужество и храбрость героя, - это предпочтение во

время наезда-зеклуэ позиции «вперед» при нападении и «сзади» (т.е. в арьергарде) при возвращении. Находящийся в арьергарде первым вступает в бой с преследователями, поэтому выбор героем позиции «сзади» является выражением его бесстрашия и мужества («Лпыхъуцэжь и къуэ Щауэрэ Къанжэ и къуэ Щауейрэ» и др.).

Согласно нормам *уэркъ хабзэ* для наездника-рыцаря считалось недостойным угнать добычу и уйти, не приняв боя. В системе нравственно-этических представлений адыгских воинов-наездников добыча, доставшаяся без боя, не представляет ценности. В соответствии с этим, стандартным приемом в адыгских сказках (как и в эпосе, преданиях и песнях), призванным демонстрировать мужество и храбрость героя, является отказ уходить с добычей, избегая столкновения. Герои сказок, преданий и песен, рискуя жизнью, возвращаются назад, чтобы встретиться с противником и победить его в сражении («Младший сын старика» и др.). Похищение имущества (лошадей, скота), принадлежащего противнику, выступает порой формой вызова на поединок.

Идеальный образ рыцаря-уорка включал в себя не только воинские, наезднические умения, но и красноречие, тонкое знание основных норм и правил адыгского этикета, владение различными языками, знание речевых стандартов общения, истории и генеалогии родов. Герои сказок не только храбрые воины, обладающие высокой нравственностью, мужеством, стойкостью и благородством, они также искусные музыканты, знают различные языки, владеют ремеслами. Они обладают умением в изысканной, утонченной или иносказательной форме выразить свои мысли («Приключения молодого пши», «Сэфил и Мылыгу», «Приключения Зедеба», «Магомет, сын Болотоко», «Хъан таурыхъ», «Едидж» и др.). Сдержанность и скромность – одни из приоритетных качеств героев адыгской сказки («Нормэрышо – большой Нормэр», «Приключения Зедеба» и др.).

В сказках находит отражение имевшее место у адыгов право подвластного покинуть своего князя, если тот нарушил нравственно-этические нормы, ущемляя права и достоинство своих подданных («Лпыхъуцэжь и къуэ Щауэрэ», «Нэфыццэ цыклымрэ хъаныпхъумрэ»).

Идеалы рыцарской морали предусматривали уважительное отношение младших к старшим, а также старших по отношению к младшим. В сказках регламентировались обязанности старшего и младшего в самых различных жизненных ситуациях: в пути, в семейном быту, за праздничным столом и т.д.

Почтительное, вежливо-скромное отношение к женщине – один из основных принципов взаимного обхождения, закрепившихся в адыгском этикете и нашедших свое изысканное выражение в кодексе знатного воина (*уэркъ хабзэ*). Согласно традиционным правилам и установкам общеадыгского нравственно-этического кодекса *адыгэ хабзэ*, мужчина должен был оберегать женщину, оказывать ей помощь, во время празднеств и игрищ оказывать ей знаки внимания и почтения. В сказках прекрасные девушки

сидят на высоких креслах-шагиндаках, им поклоняются, их красоту воспевают, их расположения добиваются герои («Сафил и Мылигу», «Приключения молодого пши»). Герой обязательно приходит на помощь женщине, девушке, попавшей в плен или предназначенной для съедения дракону, либо похищенной великаном-иныхжем, чудовищем-благо, запрудившим реку («Хъан таурыхъ», «Младший сын старика», «Карбеч»). Спасенные героем сказки девушки становятся ему названными сестрами, а чаще всего сами предлагают ему взять себя в жены («ЛпыфЫм и къуэ ззиншэ» - «Настоящего мужа сын-сирота», «Богатырь-женщина», и т.д.). Почитанию женщины-матери в кодексе созданных этических и этикетных правил и норм принадлежит особое место («Озермес», «Курджимуко Лаурсен», «Сын батрачки» и др.).

Общественно-исторические условия, обусловившие военизированный образ жизни аристократических сословий в адыгском феодальном обществе, способствовали формированию ряда общественных институтов, направленных на его поддержку. Одним из таких институтов, обладавшим развитой системой установлений и правил, было гостеприимство. Прием гостя был обставлен рядом норм, обязательных как для гостя, так и для хозяина. Символом, призванным обозначить сословную принадлежность гостя и нашедшим воплощение в сказках, служили три коновязи у гостевого дома - для князей, уорков и более низких сословий. Привязывая своего коня у коновязи для знатных гостей, герой сказки символически демонстрирует уровень своих нравственно-этических качеств и знаний правил этикета и готовность им соответствовать. Умение и готовность достойно принять гостя – одна из главных характеристик образа героя адыгской сказки («НэфЫщЦэ цыкГумрэ хъаныпхъумрэ» - «Маленькая черноглазая и дочь хана», «Человек, который купил ум» и др.).

Следует отметить, что основная направленность и функция адыгских волшебных и богатырских сказок состоят в утверждении системы нравственно-этических принципов и правил адыгского этикета, свойственных адыгской этнической традиции.

В параграфе **«Семиотика «воинского поединка» в адыгских сказках и преданиях»** исследуются нашедшие воплощение в сказках и преданиях установки «дворянской (т.е. благородной) неприязненности или вражды», правила поединка и связанные с ними нравственно-этические нормы.

В адыгских сказках и преданиях находит отражение система нравственных и этических норм, регулирующих поведение противников во время сражения или поединка, освященная в этническом сознании как правильная, идеальная коммуникативная модель. Поведение князя, рыцаря-уорка в бою, в поединке определялось идеалами рыцарской этики, находившими воплощение в правилах и нормах дворянского кодекса *уэркъ хабзэ*. Бой для адыгского князя и воина-уорка – своего рода рыцарский турнир, наградой

в котором могла стать слава, память о доблести, возможность быть запечатленным в народной песне или предании.

В соответствии с принятыми в адыгской аристократической среде нормами действуют и герои адыгских сказок и преданий. Действия героев объективируют характерные для адыгских воинов принципы: мужество, стоицизм, храбрость, презрение к смерти. Так же, как и в реальной жизни, герои сказок не сдаются в плен, не нападают на безоружного, в них осуждается нападение на беззащитного, выстрелы в спину и т.д. Герои сказок в перерывах поединка делятся с противником стрелами и едой, предлагают ему право первого выстрела.

В параграфе «**Возникновение и природа княжеской власти в сказке**» подвергаются анализу сказки, позволяющие проследить переход от древнейших демократических форм правления к первоначальным этапам возникновения института княжеской власти, а также определяются черты ее дальнейшей трансформации вплоть до обострения социально-классовых противоречий.

В сказках находят отражение архаические, ранние этапы социальных общественных отношений, в которых отсутствовал социально-классовый антагонизм, а князь-вождь избирался подданными и выступал в функции мудрого правителя и защитника всего общества. Мифологические по своей природе элементы сюжета сказки обосновывают сакральную природу княжеской власти. В образе «первого князя» прослеживаются элементы мифологических форм осмысления мира (обряды инициации), архаических институтов (совет старейшин), реминисценции тотемистических воззрений («Пщыншэ жылэм я пщы къэгъуэтыкIэ») - «Как жители селения нашли себе князя»).

В четвертой главе «**Ценностные нравственно-этические ориентиры и традиционные институты в адыгской народной прозе**» выявляются и подвергаются анализу нравственные качества и установки, общественные институты, формировавшие и отражавшие образ жизни **адыгского традиционного общества**.

Нравственно-этические установки и этикетные нормы (*адыгэ хабзэ*), будучи элементами духовной мировоззренческой культуры этноса, не только обладают несомненным влиянием на содержание фольклорных текстов, на сюжеты, мотивы и образы, но и способствуют возникновению своеобразных жанровых разновидностей и форм. В адыгском фольклоре сформировалась жанровая разновидность «этических» преданий (Бгажноков, 1983) «морально-этических» групп или циклов преданий (А.А. Ципинов, 2000), основной функцией которых была регуляция поведения и поддержание принятых в традиционном обществе норм. В отличие от сказочных персонажей, герои адыгских преданий это, как правило, реальные исторические личности: Хатокшоко Жамбот, Баг, Балатоко, Али Хырцыжоко и др. Однако существование прототипов в реальной жизни не служит препятствием для их идеализации в жанре преданий. Герой народной исторической

прозы обладает лучшими нравственными качествами: он верен данному слову, предан в дружбе, мужествен, бесстрашен, сдержан, великодушен и щедр, строго следует правилам и нормам этикета.

В параграфе **«Институт гостеприимства в народной прозе»** исследуются способы и формы реализации в преданиях и сказках норм гостеприимства.

Сюжетообразующей основой ряда адыгских преданий и сказок служит соблюдение или, напротив, нарушение правил гостеприимства, что становится причиной конфликтов, вражды, и даже кровопролития («Лъахъэ-дыгъум и къуэ закъуэу Куэшхэ я фызабэм и кIалэр» - «Единственный сын Тлакодогутовых, сын вдовы Кошевых», «Жанкьет» - «Жанкет» и др.).

В параграфе **«Наездничество-зеклуэ в адыгской народной прозе»** рассматривается объективация в народной прозе одного из важных институтов адыгского общества - наездничества.

Основу многих сюжетов преданий составляют *зеклуэ* – наезды, походы, в поисках подвигов и славы («Шоджэн Шумахурэ Хьырцыжкымрэ ящIа тельыджэ» - «Неслыханное, что совершили Шоген Шумахо и Хырцыжь»). В сюжетах преданий, во время таких путешествий и походов герои проявляют свои лучшие нравственные качества: мужество, смелость, стойкость духа. Они способны стойко переносить тяготы и лишения походной жизни, в тонкостях владеют правилами этикета, строго следуют правилам «благородной вражды», соблюдают рыцарские правила поединка. Они мужественные и храбрые воины, благородные защитники слабых и беззащитных. В преданиях так же, как и в пословицах и сказках, представлены как значимые в нравственно-этическом отношении такие черты героев, как щедрость и бескорыстие. Герои преданий по возвращении из набега, в соответствии с правилами и нормами дворянского этикета *уэркъ хабзэ*, отдают своим спутникам и жителям селения всю добычу («Шыгъушэ» и др.).

В параграфе **«Нравственно-этические критерии мужества в адыгской народной прозе»** исследуется специфика понимания и формы воплощения в сказках и преданиях мужества как одного из наиболее значимых принципов народной этики.

Для характеристики образов героев адыгских преданий и сказок используется постоянный эпитет (характерный также для эпоса и песен) *шу закъуэ* - «одинокий всадник», воплощающий высшую степень мужества и доблести героя, в одиночку отправляющегося в наезд, сражающегося с врагами и обидчиками людей, защищающего униженных и обездоленных.

В адыгской народной прозе присутствуют тексты, представляющие собой некий переходный тип от сказки к преданию и обладающие признаками обоих жанров. В тексты предания могут быть порой вплетены элементы сказочной фантастики («ЕщIэнокъуэ Атэбий» - «Атабий Ешаноко» и др.). Герои преданий, как и сказочные персонажи, олицетворяют собой идеальный образ воина-наездника и характеризуются высокой степенью типизации. Будучи носителями рыцарской культуры, они обладают му-

жеством и стойкостью, тонким знанием правил и норм взаимного обхождения (*адыгэ хабзэ*), человечностью (*цыхухугэ*), готовы всегда бороться с несправедливостью.

Специфика понимания мужества находит выражение в пословицах: *Уэркъ (лы) здаишэ цхьэуицхьэркъым* – «Дворянин-уорк (варианты: мужчина, *адыгэл* – адыгский мужчина) не спрашивает, куда его ведут». *Къоджэм, кхуэ уиухьынуми* – «[Если] тебя зовут – иди, [даже если позвали] чтобы убить». Символом мужества считалось беспрекословное подчинение вызову, означавшее готовность к любым испытаниям – поединку, наезд-зехуэ и т.д. Готовность к поединку, наезду, связанным с испытанием мужества героя, является одним из маркеров, отличающих идеального героя и характеризующих его как мужественного, бесстрашного воина-наездника («Андемыркъан и хьыбар», «Андемыркъанырэ Къамылапщэ ГъукЭмрэ»), «Пшы и пшыжь Къетыкъуэ и кхуэдэжыкIар» - «Гибель князя князей Кай-туко», «Къанж и къуэ Щауей» - «Щауей сын Канжа» и др.).

В параграфе «**Мужская дружба в ценностных ориентирах адыгской феодальной знати**» исследуется реализация в адыгской народной прозе характерных для адыгского общества представлений, связанных с понятием мужской дружбы.

Преданность и верность в дружбе, недопустимость и осуждение предательства - один из основных нравственно-этических принципов феодальной рыцарской культуры. Мотив неукоснительного следования или нарушения обязательств, верности и предательства, вероломства по отношению к другу лежит в основе многих эпических сюжетов, сюжетов сказок, преданий, песен («Кундет сын Кундета и князь Кундет», «Сальпы жари зылл щыIа...»). Действия и поступки героев сказок и преданий воплощают реальные нравственные нормы, формирующие характер межличностных отношений, образ жизни как адыгских аристократических сословий, так и в целом представителей адыгского этноса.

В параграфе «**Нормы воспитания мальчиков в сказках и преданиях**» исследуются основные направления и формы воспитания мальчиков в адыгском традиционном обществе, нашедшие воплощение в них.

В народной прозе объективируются нормы воспитания отпрысков аристократических сословий в рамках существовавшего в традиционном адыгском обществе института аталычества. В сюжетах и мотивах сказок и преданий содержится описание основных направлений в процессе обучения воспитателем-аталыком своего воспитанника-кана. Как и в реальной жизни, в сказках и преданиях мальчиков из среды дворянских и княжеских сословий с раннего детства обучали умениям, связанным с военным делом: верховой езде, владению всеми видами оружия (стрельба из ружья и лука, искусное владение шашкой, мечом и кинжалом, копьем), борьбе и различным спортивным упражнениям. Уделялось внимание умению читать и писать, знанию языков, занятиям музыкой («Бичэ»). Каждый юноша должен был в тонкостях знать этикет (*уэркъ хабзэ*), историю своего рода

до седьмого колена, генеалогию всех знатных княжеских и уоркских родов, обладать навыками публичных выступлений, быть всегда готовым к подвигам, сражениям, к защите своей земли, своего народа, собственной чести, чести своей семьи («Борэжьрэ ХьэтIохъушюкьуэ Гуащэхужьрэ», «Сэфилрэ Мылыгурэ» и др.).

В пятой главе «**Воинская этика в адыгских историко-героических песнях и плачах**» на основе анализа историко-героических песен и плачей выявляются ценностные нравственно-этические ориентиры, характеризующие образ идеального адыгского героя-воина.

В параграфе «**Нравственное понимание мужества в адыгских песнях**» на основе анализа образов и художественных приемов историко-героических песен и плачей исследуется специфика понимания мужества.

В историко-героических песнях и плачах воспеваются храбрость, мужество и стойкость адыгских воинов, их готовность к самопожертвованию ради защиты своей земли, своих близких, товарищей («Плач о Шеретлуковых» - «ШэрэлIыкъомэ ягыбз», «Гыбза о Жамботе Бештокове», «Кьэрэкьэщкьэтау зауэм и уэрэд» - «Песня о Каракашкатауской битве», «Кербеч»).

Одним из основополагающих принципов адыгского рыцарства и формой проявления мужества в песнях предстает выдержка, самообладание и стойкость, побуждавшие воинов сражаться до конца, не сдаваясь в плен. («Жэщгеуэ» - «Ночное нападение», «В бой», «Фэрзэпэ заом иорэд» - «Песня о битве в верховьях Фарза» и др.).

Песни и плачи наследуют из нартских сказаний мужественный образ «одинокого всадника» - *шу закьуэ* (Бадынокьуэ и др.) («Ажджэрий и кьуэ Кушыкупщ и уэрэд» - «Песня о князе Аджегерии Кушуке»). В песнях содержатся поэтические описания доблести и воинского искусства героев - меткость в стрельбе, умение владеть всеми видами оружия («Плач о Балатоко Бекмурзе», «Песня о князе Аджегерии Кушуке», «Андзор и кьуэIэ ди Уэрдэшауэ», «Кулькужинская битва» и др.).

Представители военно-аристократических сословий во всех жизненных обстоятельствах и ситуациях руководствовались понятием чести, состоящем в неукоснительном соблюдении установленных правил *уэркъ хабзэ*. Песенная формула «в хвосте конницы крепостью он был ...» – один из поэтических символов мужества воина, его готовности к самопожертвованию ради своих товарищей. В период русско-кавказской войны военные «экспедиции» регулярных войск воспринимались адыгами не только как захват земель и потеря родины, близких, но и как уничтожение традиционного образа жизни, как посягательство на их нравственные устои, защита которых предстает в песнях как один из главных мотивов противостояния («Гыбзэ об Увжуко»).

Как и в народной прозе, в историко-героических песнях и плачах возвеличиваются идеалы мужества и стойкости, создаются образы героев-во-

инов, которые проводят большую часть жизни верхом на коне, в сражениях и набегах («Къанокъуэ Етэч и гъыбзэ» - «Плач о Канокове Етече»). Гибель героя в песнях изображается при помощи символического образа навсегда помещенного на стену оружия или выросшей у коновязи крапивы. Военское мужество героев подчеркиваются описанием великолепия их вооружения и снаряжения: ружей, мечей, сабель, кольчуг, изготовленных лучшими мастерами-оружейниками того времени. Для поэтического стиля историко-героических песен и плачей характерен ряд стереотипных речевых формул изображения оружия («Как скорлупа ласточкиного яйца, тонок его ружья ствол»).

Боевые кони, их порода, масть в адыгских историко-героических песнях и плачах предстают одним из средств создания образа идеального героя. Воплощением идеальных нравственных качеств в адыгских историко-героических песнях и плачах предстает герой-предводитель наездов-*зеклуэ*, мудрый организатор, обладающий выдержкой, опытом и интуицией, мужественный, храбрый воин, заботящийся о своих соратниках («Песня о князе Кучуке Аджигерееве» - «Аджжэрий и къуэ Кушыкупщ и уэрэд», «Плаче о Хирцижеве Але» - «Хъырщыжь Алэ игъыбзэ»).

В параграфе «Нравственно-этические нормы адыгских воинов в песнях и плачах» выявляются принципы, которыми руководствовались адыгские воины в сражении.

Одним из важнейших правил адыгской военной этики было не оставлять тела павших на поле боя соратников. Оставить тело воина, погибшего в сражении, наезде-*зеклуэ*, его оружие и доспехи считалось недостойным адыгского воина-рыцаря. В песнях, сложенных по поводу гибели прославленных героев, указываются имена не только тех, кто следовал законам рыцарской воинской чести, но и имена нарушителей, оставивших тело своего товарища, князя-сюзерена на поле боя («Песня об Айтеке Канокове», «Бесльэн и къуэ Асльэнджэрий и уэрэд» и др.).

Непреложным законом для адыгского дворянина-уорка и князя были верность и взаимовыручка в бою, в опасности («Жэщтеуэ» - «Ночное нападение», «Къэбэртаемэ ячэщтео и орэд» - «Песня о ночном нападении кабардинцев» - бжедугская версия, «Хажрет» и др.). В песнях, наряду с прославлением воинского мужества, обличаются трусость и малодушие, проявленные тем или иным участником сражения.

В ведении войны, в походах адыгские воины следовали веками выработанной стратегии и тактике, руководствуясь при этом нормами и правилами *уэркъ хабзэ*, рыцарскими установками и принципами «благородной вражды». Рыцарский по своей сути кодекс чести *уэркъ хабзэ* способствовал возникновению особой жанровой разновидности так называемых «очистительных песен», с помощью которых их создатель мог спасти свое честное имя, снять с себя подозрение в убийстве, обвинение во лжи и хва-

ствовстве («Азэпщ и къуэ Гьудаберд и тхьэусыхэ» - «Сетование Гудаберда, Азепша сына», «Нартыгу и уэрэд» - «Песня Нартуга»).

В параграфе **«Роль и функции женщины в системе адыгской воинской этики»** выявляется локальная и социокультурная специфика общественной роли женщины в репрезентации и утверждении основных нравственно-этических норм в адыгском обществе.

Женщины выступают как импровизаторы, создатели и исполнительницы песен-плачей о погибших героях, выполняя функцию нормативных регуляторов, трансформирующих этнические традиции. Создавая и величая в песне героя, исполнительницы адыгских героических песен-плачей культивировали основные установки и принципы адыгского нравственно-этического, воинского кодекса чести. Не ограничиваясь констатацией фактов, величанием героев и порицанием нарушителей основных нравственно-этических принципов и норм, женщины, принадлежащие к знатым сословиям, сами неукоснительно следовали принципам и нормам кодекса *уэркъ хабзэ*.

В **Заключении** представлены итоговые обобщения и выводы, полученные в ходе исследования.

Основное содержание диссертации изложено в следующих публикациях:

Статьи, включенные в Перечень научных журналов и изданий, рекомендуемых ВАК Министерства образования и науки РФ:

1. Хагожеева, Л.С. Этические императивы в адыгской традиционной культуре / Л.С. Хагожеева // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. – Нальчик, 2013. – № 3 (53). – С. 166-171.

2. Хагожеева, Л.С. Семиотика «поединка» в адыгской сказке / Л.С. Хагожеева // Научное обозрение: гуманитарные исследования. – М., 2013. – № 6. – С. 73-79.

3. Хагожеева, Л.С. Гостеприимство в системе адыгской традиционной культуры / Л.С. Хагожеева // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. – Нальчик, 2015. – Вып. 4 (66). – С. 221-225.

4. Хагожеева, Л.С. О специфике использования фольклорных мотивов в художественной системе кабардинской прозы / Л.С. Хагожеева // Известия Южного Федерального университета. Филологические науки. – Ростов н/Д: Южный Федер. ун-т, 2015. – № 4. – С. 36-44.

5. Хагожеева, Л.С. Черкесское наездничество - «Зеклуэ» в традиционном образе жизни адыгской знати (на материале преданий) / Л.С. Хагожеева // Университетский научный журнал. – СПб., 2016. – № 20. – С. 303-310.

6. Хагожеева, Л.С. Нравственное понимание мужества в адыгских историко-героических песнях / Л.С. Хагожеева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов, 2017. – № 11 (77)-2 М3524. – С. 36-39.

Статьи, опубликованные в других научных журналах и сборниках:

7. Хагожеева, Л.С. Этнокультурные стереотипы поведения адыгской феодальной знати (по материалам адыгской сказки) / Л.С. Хагожеева // Вопросы Кавказской филологии. – Нальчик, 2013. – Вып. 9. – С. 135-141.

8. Хагожеева, Л.С. Возникновение института княжеской власти и ее дальнейшая трансформация / Л.С. Хагожеева // Вестник института гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра РАН. – Нальчик, 2014. – Вып. 1 (21). – С. 89-93.

9. Хагожеева, Л.С. Мужская дружба в ценностных ориентациях черкесской феодальной знати (по материалам рыцарских рассказов и преданий) / Л.С. Хагожеева // Вестник института гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра РАН. – Нальчик, 2014. – Вып. 3 (22). – С. 75-80.

10. Хагожеева, Л.С. Megafolnic about the origins of the Kabardian literature (1920-1930-ies) / Л.С. Хагожеева // 2016 IEE Conference on Quality Management, Transport and Information Security, Information Technologies: Proceedings. – 2016. – С. 295-297.

11. Хагожеева, Л.С. Идеалы рыцарского поведения в адыгских пословицах / Л.С. Хагожеева // Успехи современной науки. – Белгород, 2017. – Т. 3, № 3. – С. 166-169.

12. Хагожеева, Л.С. Принципы черкесского воинского искусства / Л.С. Хагожеева // Вестник науки Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований им. Т.М. Керашева. – Майкоп: Изд-во АРИГИ, 2017. – Вып. 11 (35). – С. 157-160.

13. Хагожеева, Л.С. О некоторых элементах поэтического стиля адыгских историко-героических песен / Л.С. Хагожеева // Фундаментальные научные исследования: теоретические и практические аспекты: сб. материалов V Междунар. науч.-практ. конф., 30 окт. 2017 г. – Кемерово, 2017. – Т. II. – С. 79-81.

14. Хагожеева, Л.С. О некоторых установках адыгского рыцарского кодекса чести (по данным адыгских преданий) / Л.С. Хагожеева // Типология и поэтика традиционного фольклора народов Северного Кавказа: сб. науч. ст. – Нальчик, 2016. – С. 123-130.

15. Хагожеева, Л.С. Основные стратегии и тактика ведения войны в адыгских песнях и плачах / Л.С. Хагожеева // Становление и развитие младописьменных языков. К 120-летию со дня рождения выдающегося языковеда, основоположника адыгейского языкознания Д.А. Ашхамафа: материалы Междунар. науч. конф., г. Майкоп, 21-23 июня 2017 г. – Майкоп, 2017. – С. 142-144.

16. Хагожеева, Л.С. Образ предводителя набега-зекIуэ в адыгских историко-героических песнях / Л.С. Хагожеева // Научно-технический прогресс как фактор развития современной цивилизации: сб. ст. по итогам Междунар. науч.-практ. конф., г. Магнитогорск, 14 ноября 2017 г.: в 3 ч. – Стерлитамак: АМИ, 2017. – Ч. 2. – С. 199-201.

17. Хагожеева, Л.С. Принцип не оставления тела погибшего соратника на поле боя в адыгских историко-героических песнях / Л.С. Хагожеева // Проблемы, перспективы и направления инновационного развития: сб. ст. по итогам Междунар. науч.-практ. конф., г. Омск, 24 нояб. 2017 г.: в 4 ч. – Стерлитамак: АМИ, 2017. – Ч. 2. – С. 246-249.

18. Хагожеева, Л.С. Характеристика героя через описание воинского снаряжения (на материале адыгских историко-героических песен) / Л.С. Хагожеева // Вестник института гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук (ИГИ КБНЦ РАН): материалы Всерос. науч. конф. «Формирование российского многонационального государства через взаимодействие народов», г. Нальчик, 6 окт. 2017 г. – Нальчик: Изд. отд. ИГИ КБНЦ РАН, 2017. – Вып. 3 (34). – С. 127-131.

19. Хагожеева, Л.С. Характеристика героя через описание коня (на материале адыгских историко-героических песен) / Л.С. Хагожеева // Перспективы развития российской науки: материалы Междунар. науч.-практ. конф., г. Самара, 21 нояб. 2017 г. – Самара, 2017. – С. 129-132.